

ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ *

В работе рассмотрены вопросы, связанные с реконструкцией гендерных отношений в обществе кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая (2-я половина V – XI вв. н. э.). Осуществлен системный анализ погребальных комплексов данной общности. Изучение материалов раскопок некрополей кочевников раннего средневековья позволило выделить показатели обрядности, вариабельность которых была обусловлена наличием гендерных стереотипов. В связи с высокой степенью унификации погребального обряда населения тюркской культуры наиболее четким показателем, отличающим мужские и женские погребения, является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря. В ходе статистического анализа предметного комплекса выделены группы вещей, характерные для лиц различного пола. Обозначена специфика гендерной дифференциации в материалах детских погребений, свидетельствующая о раннем включении лиц данной возрастной группы в систему общественных отношений. Наличие устойчивых представлений, связанных со статусом и кругом функций лиц обоих полов, подтверждают сведения письменных источников.

Ключевые слова: Саяно-Алтай, тюркская культура, погребальный обряд, гендерный анализ, социальная история, раннее средневековье, письменные источники.

Реконструкция различных аспектов социальной истории древних и средневековых кочевников Евразии традиционно представляет собой актуальное направление отечественной номунологии. Одним из важных аспектов в рамках данной тематики является изучение гендерных отношений в обществах скотоводов. Гендерный подход предполагает проведение исследования, направленного на изучение и реконструкцию роли мужчин и женщин в различных сферах жизнедеятельности общества (хозяйственной, политической и др.). Перспективность реализации такой работы на материалах конкретных социумов кочевников очевидна, так как ее результаты представляют интерес не только для историков и археологов, но также имеют большое значение для социологов, этнографов и специалистов других областей знания [Здравомыслова, Темкина, 2000. С. 15].

Опыт исследований, осуществленных, главным образом, западными учеными, подтверждает возможность интерпретации материалов раскопок археологических памятников в указанном направлении [Берсенева, 2010а]. В настоящей работе рассматривается комплекс вопросов, связанных с реконструкцией гендерных отношений в обществе кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая (2-я половина V – XI вв. н. э.). Наиболее информативными для подобного исследования являются погребальные комплексы данной общности. Результаты их системного анализа дополняются сведениями письменных источников и этнографии.

Несмотря на обозначенную актуальность реконструкции гендерных отношений в обществах кочевников, целенаправленного изучения данного вопроса на материалах тюркской культуры не предпринималось. Вместе с тем отечественными археологами выска-

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (шифр проекта 2010-1.2.1-300-028-022)

зывались ценные замечания по данному вопросу. Многие исследователи подчеркивали высокую степень сходства мужских и женских погребений тюркской культуры, отмечая разницу между ними лишь в составе сопроводительного инвентаря (см.: [Евтюхова, Киселев, 1941. С. 100; Гаврилова, 1965. С. 28; Кубарев, 2005. С. 23] и др.). Анализ наборов вещей из могил раннесредневековых кочевников позволил Г. В. Длужневской [1976] обозначить категории находок, характерных для захоронений лиц различных полов.

В связи с немногочисленностью женских погребений тюркской культуры, большое внимание исследователей привлекло изучение показателей, характерных для данных объектов. Д. Г. Савинов обратил внимание на такую этнографическую особенность женских погребений тюркской культуры, как наличие в них устойчивого набора предметов, включающего зеркало, гребень и маленький ножик [1994. С. 148]. В. Н. Третьякова [2000. С. 55] отметила, что на некоторых раннесредневековых некрополях, раскопанных в Минусинской котловине, могилы представительниц слабого пола определенным образом приурочены к курганам мужчин. Исследовательница подчеркнула однотипность погребений женщин и отсутствие ярких признаков подобных объектов. Схожие наблюдения приведены в совместной статье Ю. С. Худяковым и К. Ы. Белинской [2006. С. 498–499]: авторы публикации на материалах трех охарактеризованных женских захоронений тюркской культуры, обнаруженных в Монголии, пришли к выводу о том, что рассматриваемые объекты, по сравнению с мужскими могилами, отличаются меньшим разнообразием черт обряда.

Перспективы изучения женских погребений тюркской культуры Алтая обозначены в ряде публикаций К. Ы. Белинской [2007а; 2007б; 2009]. По ее мнению, в материалах захоронений представительниц слабого пола не наблюдается социальной градации, все объекты принадлежат рядовым членам общества кочевников раннего средневековья [2007а. С. 147]. Подобную слабую дифференцированность обряда К. Ы. Белинская [2009. С. 10] объяснила отсутствием резкого противостояния между представителями элиты и рядовыми кочевниками. В работах исследовательницы представлена характе-

ристика женской погребальной обрядности на основе анализа материалов раскопок раннесредневековых памятников Алтая [2007б; 2009]. Судя по приведенным описаниям, всего ей было учтено более 20 захоронений. При этом остался неясным принцип определения половой принадлежности умерших из рассмотренных комплексов. К примеру, среди прочих объектов, к женским погребениям отнесена могила 12 некрополя Кудыргэ, в составе сопроводительного инвентаря которой зафиксированы остатки меча и колчана [Гаврилова, 1965. С. 25–26, табл. XX]¹, а также несколько других захоронений, однозначное определение которых вызывает вопросы.

Некоторые возможности анализа женских захоронений тюркской культуры продемонстрированы в недавней статье С. А. Васютина [2009. С. 200]. Он выделил две возрастные группы, получившие отражение в материалах погребальных комплексов Саяно-Алтая. Исследователь обратил внимание на имеющиеся свидетельства ведущей роли в общественной жизни женщин в возрасте от 25 до 35 лет. Другую группу, выделенную С. А. Васютиным [Там же], составили захоронения престарелых женщин (старше 55–60 лет).

В целом, многие вопросы, связанные с изучением гендерных отношений в обществе кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая, остаются открытыми. Возможности их решения связаны, главным образом, с осуществлением системного анализа материалов раскопок погребальных комплексов, результаты которого представлены ниже.

Согласно современным представлениям о методике реконструкции социальной истории по материалам погребальных памятников, начальным этапом работы является всестороннее изучение обряда конкретной общности [Социальная структура..., 2005]. В ходе общего анализа захоронений тюркской культуры Саяно-Алтая учитывалось более 300 объектов (см.: [Серегин, 2009; 2010б] и др.). Результаты этой работы стали основой для дальнейшей социальной интерпретации погребальных комплексов. Для этого была сформирована специальная вы-

¹ Самой А. А. Гавриловой [1965] могила 12 определена в одном месте как женская (с. 28), в другом – как мужская (с. 25).

борка, составившая 204 погребения, раскопанных на территории Алтая (95 объектов), Тувы (48 объектов) и Минусинской котловины (61 объект). Основным фактором в ходе отбора памятников из общего количества исследованных могил стала возможность определения пола умершего.

К сожалению, количество антропологических определений материалов захоронений тюркской культуры Саяно-Алтая, несмотря на наличие специальных работ (см.: [Алексеев, 1960; Богданова, 1980; Поздняков, 2006] и др.), весьма незначительно. В связи с этим формирование выборки для последующего анализа происходило следующим образом. На первом этапе было осуществлено изучение погребений, для которых имеется антропологическое определение пола умершего. Результатом стало выделение устойчивых признаков обряда, характерных для мужских и женских могил. Далее на основе полученных данных из общего количества раскопанных объектов тюркской культуры Саяно-Алтая были выделены погребения, материалы которых содержат подобные устойчивые сочетания показателей, позволяющие определить пол умершего человека. Следует отметить, что учитывались только не ограбленные погребения, а также частично потревоженные объекты, для которых сохранились характеристики, необходимые для полноценного анализа. В итоге учтены 133 могилы, определенные как мужские, 40 женских захоронений и 31 детское.

Резкое преобладание погребений мужчин, помимо обстоятельств, связанных с ограниченным объемом имеющихся антропологических определений, может объясняться объективными причинами. К примеру, не следует исключать высокой смертности мужского населения, обусловленной характерными для них занятиями [Берсенева, 2010а. С. 80]. Исследователи, рассматривая материалы различных популяций, подчеркивают, что большее количество мужских погребений, по сравнению с женскими, характерно для подвижных кочевых социумов [Балабанова, 2009. С. 83–84]. Низкий процент детских захоронений также зафиксирован в ходе раскопок памятников целого ряда общностей древности и средневековья [Берсенева, 2010б]².

Изучение материалов раскопок некрополей тюркской культуры Саяно-Алтая позволило обозначить отличительные признаки погребального обряда, связанные с гендерной принадлежностью умерших, осуществить их интерпретацию.

В ходе анализа наземных и внутримогильных сооружений, а также ритуала погребения, характерного для комплексов тюркской культуры, выделено две группы показателей. В первую включены признаки, вариативность которых не связана напрямую с половозрастной дифференциацией обряда раннесредневековых кочевников. Сопоставление типов погребальных сооружений, а также их отдельных конструктивных элементов, с половозрастной принадлежностью умерших, продемонстрировало отсутствие в абсолютном большинстве случаев какой-либо зависимости между обозначенными показателями (табл. 1). Некоторые тенденции в этом плане, характерные для отдельных некрополей тюркской культуры, отражают локально-территориальное своеобразие различных групп кочевников. К примеру, на могильнике Белый Яр II в Минусинской котловине зафиксирована связь мужских могил с погребальной камерой в виде гроба [Поселянин и др., 1999. Рис. 4, 4; 7, 2; 10, 5–6; 12, 2]. В ряде случаев достаточно четко фиксируется приуроченность некоторых «околокурганнных» объектов к насыпям, под которыми исследованы погребения мужчин и кенотафы, также определенные как «мужские» [Серегин, 2010а. С. 202]. В то же время наибольшее распространение дополнительных элементов наземных и внутримогильных конструкций (кольцевая выкладка по периметру насыпи, перегородка, приступка, подбой, погребальная камера) характерно для женских погребений. В целом, распределение типов сооружений отражает тенденции, зафиксированные при рассмотрении общей совокупности объектов, и не связано с половозрастной дифференциацией в обществе кочевников тюркской культуры. Вариатив-

туры. Не исключено, что погребения детей совершались не только в отдельных курганах, но также в сложно фиксируемых могилах в межкурганном пространстве [Шульга, Горбунов, 2002. С. 117]. Имеются основания для утверждения о большем распространении детских скальных захоронений [Соенов и др., 2002; Кубарев, 2005. С. 372], обнаружение которых в ряде случаев весьма затруднительно.

² Следует признать, что возможна также специфика похоронной обрядности населения тюркской куль-

Таблица 1

Погребальные конструкции в мужских, женских и детских захоронениях, ед. (%)

Элемент конструкции	Погребения		
	мужские	женские	детские
Округлая насыпь	112 (84,21)	31 (77,5)	26 (83,87)
Подквадратная насыпь	6 (4,51)	4 (10)	2 (6,45)
Впускное погребение	14 (10,52)	5 (12,5)	1 (3,22)
Скальное погребение	1 (0,75)	–	2 (6,45)
Кольцевая выкладка	29 (21,8)	13 (32,5)	10 (32,25)
Крепида	21 (15,78)	7 (17,5)	8 (25,8)
Ограда	8 (6,01)	6 (15)	2 (6,45)
Перегородка	46 (34,58)	18 (45)	9 (29)
Приступка	42 (31,57)	19 (47,5)	4 (12,9)
Подбой	10 (7,51)	5 (12,5)	3 (9,67)
Перекрытие	18 (13,53)	6 (15)	4 (12,9)
Погребальная камера	17 (12,78)	8 (20)	4 (12,9)

ность таких показателей ритуала погребения, как ориентировка, положение умерших и сопровождавших их животных, также определялась другими факторами [Серегин, 2010б. С. 177].

Вторую группу признаков обряда населения тюркской культуры составили признаки, различающиеся для мужских и женских захоронений. К ним отнесены параметры погребальных конструкций и количество лошадей, находившихся рядом с умершим. Для мужских погребений характерен большой объем трудозатрат на сооружение курганный насыпи и могильной ямы. Отметим, что данный показатель может быть зафиксирован только на уровне тенденции в силу разрушенности значительного количества объектов, а также наличия локальной специфики памятников тюркской культуры на различных территориях ее распространения. Кроме того, для комплексов раннего средневековья отмечается высокая степень нивелировки размеров наземных и внутримогильных сооружений по сравнению с объектами раннего железного века. Более важным признаком является количество лошадей в погребении (табл. 2). Стандартом для мужских и женских захоронений тюркской культуры (более 70 %) было помещение в могилу одного животного. Присутствие двух и более лошадей характерно только для погребений мужчин. В могилах без сопроводительного захоронения

животного в процентном отношении также чаще находились представительницы слабого пола, что было связано с причинами, в том числе социального порядка.

В связи с высокой степенью унификации погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая наиболее четким показателем, отличающим мужские и женские погребения, является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря. Для выявления и конкретизации закономерностей в этом плане был проведен статистический анализ, который позволил обозначить степень распространения конкретных находок в захоронениях лиц обоих полов, а также в детских могилах (табл. 3). При изучении тенденций распределения различных категорий инвентаря в погребениях выделено четыре группы предметов.

Первую группу составили вещи, характерные только для захоронений мужчин. Главным образом, это предметы вооружения. Подобные находки зафиксированы в абсолютном большинстве объектов – 124 (93,2 %) погребения. Оружие отсутствовало только в 9 (6,8 %) мужских могилах. Маркерами захоронений мужчин являлись также наборный пояс, серебряный сосуд, китайские монеты, котел, тесло, оселок и кочедык. Находки, отнесенные к первой группе вещей, зафиксированы и в некоторых женских погребениях. Предметы вооружения, а именно небольшие кинжалы, встречены

Таблица 2

Сопроводительные захоронения животных
в мужских, женских и детских погребениях, ед. (%)

Количество и вид сопровождающих животных	Погребения		
	мужские	женские	детские
Одна лошадь	95 (71,42)	32 (80)	3 (9,67)
Две лошади	19 (14,28)	1 (2,5)	–
Три лошади	4 (3)	–	–
Четыре лошади	1 (0,75)	–	–
Лошадь отсутствует	13 (9,77)	7 (17,5)	16 (51,64)
Овца	1 (0,75)	–	12 (38,7)

Таблица 3

Предметный комплекс
из мужских, женских и детских погребений, ед. (%)

Группа предметов	Элемент предметного комплекса	Погребения		
		мужские	женские	детские
Вооружение	Лук	84 (63,15)	–	–
	Наконечники стрел	105 (78,94)	–	3 (9,67)
	Клинковое оружие	34 (25,56)	2 (5)	–
	Топор	4 (3)	–	–
	Копье	5 (3,75)	–	–
	Защитное вооружение	6 (4,5)	–	–
Украшения и предметы костюма	Наборный пояс	68 (51,12)	2 (5)	3 (9,67)
	Серьги	23 (17,29)	20 (50)	2 (6,45)
	Другие украшения	5 (3,75)	9 (22,5)	3 (9,67)
	Фрагменты шелковой одежды	34 (25,56)	8 (20)	–
	Монеты	8 (6,01)	1 (2,5)	–
Предметы быта и туалета	Металлическое зеркало	1 (0,75)	13 (32,5%)	1 (3,22%)
	Гребень	4 (3)	7 (17,5)	–
	Металлический сосуд	6 (4,5)	1 (2,5)	–
	Керамический сосуд	16 (12,3)	6 (15)	11 (35,48)
	Котел	4 (3)	–	–
	Игольник	–	5 (12,5)	–
Орудия труда	Нож	77 (57,89)	21 (52,5)	7 (22,58)
	Пряслица	–	7 (17,5)	1 (3,22)
	Тесло	41 (30,82)	–	1 (3,22)
	Осенок	7 (5,26)	1 (2,5)	–
	Кочедык	8 (6,01)	–	–
	Плеть / стек	13 (9,77)	4 (10)	–
Снаряжение лошади	Удила, псалии	100 (75,18)	25 (62,5)	3 (9,67)
	Стремена	93 (69,92)	22 (55)	3 (9,67)
	Украшения узды	17 (12,78)	13 (32,5)	1 (3,22)

в двух (5 %) захоронениях представительниц слабого пола [Длужневская, 2000. С. 180. Рис. IV, 4; Овчинникова, 2004. С. 102. Рис. 11, 10], также в двух случаях в могилах отмечен наборный пояс [Вайнштейн, 1958. С. 218; Гаврилова, 1965. С. 61. Рис. 7, 1, 2]. По одному разу в женском погребении зафиксированы серебряный сосуд [Савинов, 1994. С. 118. Рис. 108–110], китайские монеты [Савинов и др., 1988. С. 96. Рис. 9, 1] и оселок [Гаврилова, 1965. С. 22].

Вторая группа находок представлена вещами, не несущими гендерной нагрузки. Это фрагменты шелковой одежды, нож, предметы конского снаряжения, керамический сосуд, а также плеть или стек. Обозначенные изделия в равной степени встречены в мужских и женских захоронениях тюркской культуры Саяно-Алтая.

Третья группа предметов сопроводительного инвентаря включает находки, характерные, преимущественно, для женских погребений и встреченные в могилах мужчин более фрагментарно. К ним относятся серьги, различные украшения костюма (бусы, подвески, кольца и пр.), гребень, а также украшения конского снаряжения.

К четвертой группе вещей отнесены предметы, встреченные только в захоронениях представительниц слабого пола. Показателями исключительно женских погребений являются металлическое зеркало³, игольник и пряслице.

Обозначенные закономерности распределения предметов сопроводительного инвентаря в могилах людей различных полов позволяют рассматривать некоторые характеристики общества раннесредневековых тюрков, получившие отражение в материалах погребальных комплексов. Важным показателем обряда раннесредневековых кочевников является последовательное отражение традиционных гендерных стереотипов. Они соблюдены в абсолютном большинстве рас-

смотренных погребений тюркской культуры. В связи с этим интерес представляет рассмотрение имеющихся отклонений от норм обрядности, связанных с гендерной принадлежностью умерших.

Обратим внимание на немногочисленные мужские погребения, в которых отсутствовали предметы вооружения. В ряде случаев, когда имелось определение возраста умерших, отмечена их принадлежность к юношам и пожилым мужчинам [Гаврилова, 1965. С. 58; Комарова, 1973. С. 208; Могильников и др., 1992. С. 83]. С другой стороны, известны погребения представителей обозначенных возрастных групп, в которых обнаружено значительное количество различных видов вооружения (см.: [Гаврилова, 1965. С. 66–67; Нестеров, Худяков, 1979. С. 88–90; Могильников, 1997. С. 198–202; Кубарев, 2005. С. 372–373] и др.). Судя по всему, в данном случае определяющее значение имел не возраст погребенных, а их прижизненный профессиональный и социальный статус. В качестве иллюстрации приведем некоторые результаты изучения «элитных» погребений тюркской культуры Саяно-Алтая [Серегин, 2010в. С. 47]. Так, в ходе анализа материалов захоронений выделено две основные группы в составе высших слоев общества раннесредневековых номадов. Представители первой были связаны, преимущественно, с военным делом; вторую составила «управленческая» элита. Основным дифференцирующим показателем стал набор предметов вооружения, представленный в погребениях второй группы крайне фрагментарно, при наличии в могилах многочисленных предметов, включенных в «комплекс богатства».

Что касается женских погребений, то присутствие в захоронениях представительниц слабого пола предметов сопроводительного инвентаря, характерных для мужчин, имеет различное объяснение. В данном случае необходимо учитывать особенности каждого из рассматриваемых объектов: расположение находок, состав остального сопроводительного инвентаря и пр. К примеру, обнаружение пояса в женской могиле, по мнению С. П. Нестерова [1999. С. 97], может объясняться представлениями о возможности передачи вещи ее ранее умершему владельцу в загробном мире. Косвенным подтверждением этому является нетипичное

³ В одном из погребений тюркской культуры умерший, рядом с которым находилось металлическое зеркало, определен как мужчина [Грач, 1958; Алексеев, 1960. Табл. 3]. В этом случае возможна неточность из-за плохой сохранности черепа, по которому проводилось определение [Нестеров, 1999. С. 95]. С другой стороны, на принадлежность погребения мужчине указывает наличие таких предметов, как котел и тесло.

расположение предмета у головы умершей [Гаврилова, 1965. С. 61]. Однако если рассматривать общие тенденции, то, на наш взгляд, более обоснованно предположение о том, что наличие «мужских» вещей в погребении женщины демонстрирует высокий прижизненный социальный статус покойной. Это подтверждается материалами обозначенных выше захоронений представительниц слабого пола. Во всех случаях отмечается наличие «престижных» категорий находок, что свидетельствует о принадлежности женщин к элитным слоям населения Саяно-Алтая раннего средневековья.

Гендерные стереотипы нашли отражение и в материалах детских погребений. Основной характеристикой большинства подобных объектов является фрагментарное присутствие сопроводительного инвентаря. Вместе с тем изучение ряда памятников позволило обозначить половую дифференциацию среди детских захоронений. Обнаружение в отдельных могилах наконечников стрел [Овчинникова, 2004. С. 104; Кубарев, 2005. С. 373], наборного пояса [Грач, 1960. С. 32] и тесла [Грач, 1960. С. 33] («мужские» предметы), а также металлического зеркала [Соенов и др., 2002. С. 119], серег [Поселянин и др., 1999. С. 91] и других украшений [Савинов и др., 1988. С. 98], более характерных для женских погребений, отражает, судя по всему, попытку обозначения принадлежности умершего к определенной гендерной группе взрослых. Этой же причиной может быть объяснено присутствие лошади в трех детских захоронениях. Возможна и другая интерпретация случаев фиксации обозначенных показателей обряда в могилах детей. Не следует исключать влияния фактора, связанного с возрастом умерших. К сожалению, редкость антропологических определений исключает возможность обозначения тенденций в этом отношении. Известны и другие объяснения наличия «богатого» предметного комплекса в детских погребениях: последующая передача вещи ее владельцу в загробном мире [Нестеров, 1999. С. 97], необходимость защиты ребенка от злых сил [Троицкая, 1989. С. 66–67] и др.

Несмотря на наличие отмеченных частных случаев, изучение погребальных комплексов тюркской культуры демонстрирует весьма четкое разделение общественных

ролей и функций мужчин и женщин. Для получения дополнительной информации в этом плане обратимся к информации письменных источников.

Общие сведения, содержащиеся в тюркских рунических текстах и китайских династийных хрониках, подтверждают традиционные для кочевых обществ модели поведения лиц обоих полов. Основным занятием мужчин было военное дело. Весьма подробное описание постоянных походов приведено в памятниках рунической письменности [Малов, 1951; 1959]. Кроме того, мужчины пасли скот, занимались охотой, а также ремеслами, связанными, главным образом, с производством изделий из металла. Соответственно, все остальные многочисленные хозяйственные занятия, а также воспитание детей, ложились на женщин. Вместе с тем отдельные сообщения раннесредневековых авторов позволяют предполагать, что представительницы слабого пола в обществе тюрков занимали достаточно высокое положение и могли выполнять гораздо более широкий круг функций.

В китайских летописях приведены сведения о том, что жена правителя тюрков принимала участие в «военных предприятиях» [Лю Маоцай, 2002. С. 40]. Судя по всему, значительной была власть *катун* после смерти ее мужа и в периоды малолетства сына, выбранного каганом [Бичурин, 1950. С. 277]. В династийных хрониках, в силу вполне понятных причин, неоднократно описывается участие в политическом процессе китайских «царевен», выданных замуж за тюркских правителей (см.: [Бичурин, 1950. С. 240–241, 247; Лю Маоцай, 2002. С. 64] и др.). Особый интерес представляют сведения источников о женщинах, выполнявших определенные культовые функции. Описывая обычаи раннесредневековых тюрков, китайские авторы отмечают, что «они почитают богов и духов и верят в заклинательниц и заклинателей злых духов» [Лю Маоцай, 2002. С. 23]. В биографии тюркского политического деятеля Аньлушаня имеется упоминание о его матери, которая «была волшебницей и жила предсказаниями» [Там же. С. 97]. В частности, указывается на то, что женщина обращалась к богу войны, моля его о сыне [Там же. С. 99]. Реконструкция культовой практики у центральноазиатских тюрков раннего средневековья за-

труднена целым рядом обстоятельств и требует проведения специального исследования [Дашковский, 2009. С. 67–68]. Вместе с тем из приведенных свидетельств видно, что религиозная деятельность осуществлялась не только мужчинами, но и женщинами.

Необходимо учитывать, что большинство приведенных сведений связано с описанием элитных слоев раннесредневековых тюрок. Основная масса женского населения кочевников занималась выполнением традиционных функций, не связанных с политикой и военным делом. Вопрос о степени участия представительниц слабого пола в культовой практике остается открытым. Погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая практически не содержат информации о круге лиц, которых можно связать со служителями культа или жрецами.

Таким образом, результаты изучения материалов раскопок погребальных памятников тюркской культуры Саяно-Алтая свидетельствуют о наличии четких гендерных стереотипов, получивших отражение в обряде номадов. При этом вариабельность многих показателей определялась не только половой принадлежностью умерших, но и их прижизненным социальным статусом, отношением к определенной профессиональной группе и пр. Не следует исключать влияния фактора, связанного с этнической принадлежностью погребенных людей, учитывая значительное количество различных племен и групп номадов, включенных в состав политических объединений раннесредневековых кочевников Центральной Азии. Гендерные стереотипы получили отражение в материалах детских погребений, что является одним из свидетельств раннего включения представителей данной возрастной группы в систему общественных отношений. Наличие устойчивых представлений, связанных с кругом функций лиц обоих полов, подтверждают сведения письменных источников. Определенная вариабельность гендерных стереотипов могла быть характерна для элитных слоев общества номадов. Дальнейшее изучение социальной истории раннесредневековых тюрок Центральной Азии с привлечением этнографических и изобразительных материалов позволит более детально реконструировать различные аспекты гендерных отношений в обществе кочевников.

Список литературы

Алексеев В. П. Материалы к палеоантропологии Западной Тувы // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л., 1960. Т. 1: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. С. 284–312.

Балабанова М. А. Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья // РА. 2009. № 3. С. 79–88.

Белинская К. Ы. Археологические памятники древнетюркских женских захоронений Саяно-Алтая // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007а. С. 146–148.

Белинская К. Ы. Классификация древнетюркских женских захоронений Горного Алтая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007б. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. С. 199–204.

Белинская К. Ы. Изучение гендерных отношений и женской субкультуры древних тюрок Горного Алтая (по памятникам археологии) // Мир Евразии. 2009. № 4 (7). С. 6–11.

Берсенева Н. А. Гендерный анализ детских погребений в древних обществах: теоретические подходы, проблемы и перспективы // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010а. С. 107–110.

Берсенева Н. А. Погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртышья: гендерный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010б. № 3 (43). С. 72–81.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 380 с.

Богданова В. И. Новые антропологические материалы конца I тыс. н. э. из Тувы // МАЭ. 1980. Т. 36. С. 100–107.

Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. 1958. Вып. 6. С. 217–237.

Васютин С. А. Возрастная дифференциация в раннесредневековых погребальных комплексах кочевников Саяно-Алтая // Роль естественно-научных методов в археоло-

гических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 198–201.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Грач А. Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве // СЭ. 1958. № 4. С. 18–34.

Грач А. Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л., 1960. Т. 1: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. С. 7–72.

Дашковский П. К. Служители культа у тюрков Центральной Азии в эпоху средневековья // Изв. Алт. гос. ун-та. Серия: История, политология. 2009. Вып. 4/1 (64). С. 65–71.

Длужневская Г. В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. 1976. Вып. 21. С. 193–200.

Длужневская Г. В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 178–188.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социальные исследования. 2000. № 11. С. 15–23.

Комарова М. Н. Тюркское погребение с конем в Аржане // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. 1973. Вып. 16. С. 207–210.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках. Бюллетень Общества востоковедов. М.: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2002. 126 с. Прил. 1.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 447 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 198 с.

Могильников В. А. Курган 85 Кара-Кобы I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 187–234.

Могильников В. А., Куйбышев А. В., Елин В. Н. Раскопки в Куроте // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 83–84.

Нестеров С. П. Древнетюркские погребения у с. Батени // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1999. С. 91–102.

Нестеров С. П., Худяков Ю. С. Погребение с конем могильника Тепсей III // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979. С. 88–92.

Овчинникова Б. Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. М., 2004. С. 86–110.

Поздняков Д. В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I тыс. н. э. – первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск: Изд-во ИЭТ СО РАН, 2006. 136 с.

Поселянин А. И., Киргинцев Э. Н., Тараканов В. В. Исследование средневекового могильника Белый Яр II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 88–116.

Савинов Д. Г. Древнетюркское время // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994. С. 146–152.

Савинов Д. Г., Павлов П. Г., Паульс Е. Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). Л., 1988. С. 83–103.

Серегин Н. Н. Погребальные сооружения тюркской культуры Саяно-Алтая (систематизация и анализ) // Изв. Алт. гос. ун-та. Серия: История, политология. 2009. № 4/2 (64/2). С. 190–194.

Серегин Н. Н. «Околокуранные» сооружения тюркской культуры (систематизация и некоторые вопросы интерпретации) // Изв. Алт. гос. ун-та. Серия: История, политология. 2010а. № 4/2 (68/2). С. 201–205.

Серегин Н. Н. Погребальный ритуал кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010б. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. С. 171–180.

Серегин Н. Н. «Элитные» погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая (вторая половина V – XI вв.) // Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде. М., 2010в. С. 46–47.

Соенов В. И., Трифанова С. В., Вдовина Т. А., Яжанкина С. И. Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая. 2002. № 9. С. 117–124.

Социальная структура ранних кочевников Евразии: Моногр. / Под ред. Н. Н. Крадина, А. А. Тишкина, А. В. Харинского. Иркутск, 2005. 312 с.

Третьякова В. Н. Женщина в древнетюркском обществе // Наследие древних и традиционных культур Северной и центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. 2. С. 54–56.

Троицкая Т. Н. Детские погребения VI–V вв. до н. э. – VII–VIII вв. н. э. в Новосибирском Приобье // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 59–68.

Худяков Ю. С., Белинская К. И. Особенности женской погребальной обрядности древних тюрков на территории Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2006. Т. 12, ч. 1. С. 497–500.

Шульга П. И., Горбунов В. В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 112–130.

Материал поступил в редколлегию 03.03.2011

N. N. Seregin

GENDER ANALYSIS OF FUNERAL COMPLEXES OF THE TURK CULTURE OF SAYAN-ALTAY REGION

In the articles concerned questions, connected with reconstruction of gender relations in nomadic society of the Turk culture in Sayan-Altay region (2nd half of V – XI centuries AC). System analysis of funeral complexes of this community realized. The study of excavated graves materials of early Middle Ages let to pick out characteristics of rite, variety of which was conditioned by gender stereotypes. Because of high level of unification of funeral rite of Turk cultures population, main characteristic, which was different for men's and women's graves, is quality and quantity of burial inventory. Statistic analysis of this let to pick out groups of things, which was inherent for peoples of different sex. The specificity of gender differentiation in materials of child's graves, which demonstrate early participation of them in the system of societies relations, was marked. Information of written sources confirms availability of steady stereotypes, connected with men's and women's status and functions.

Keywords: Sayan-Altay region, Turk culture, gender analysis, funeral rite, social history, early Middle Ages, written sources.